

гусениць, хрущей и пружей, мышей, щуровъ и критиць, и различныхъ родовъ мухъ, и мушиць, и моли и мравіевъ, оводовъ же и осъ, и многоножниць, и многообразныхъ родовъ ползающихъ по земли животныхъ и летающихъ птицъ“ — вполнѣ отвѣчало его вѣрованіямъ и душевному складу.

Приведенное мною „Указаніе, како приступить ко изысканію клада“, какъ и другіе „апокрифы, всѣ эти „Сны Богородицы“, „сказанія о двѣнадцати пятницахъ“ и т. д. и т. под., сильно распространены въ народѣ и составляютъ весьма важный въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи матеріалъ, рисующій религиозныя понятія и вѣрованія народа, которыя сложились въ немъ въ сѣдой дали вѣковъ и сохраняются до сихъ поръ, переплетаясь съ христіанствомъ. Особенное вниманіе этимъ апокрифамъ должно удѣлить духовенство, больше всѣхъ повинное въ живучести народныхъ суевѣрій. Эти апокрифы показываютъ, въ какихъ грубыхъ формахъ народъ усвоилъ христіанское ученіе, какой ложный составился въ немъ взглядъ на вѣру и благочестіе, сколько суевѣрій примѣшалъ онъ къ религиознымъ представленіямъ, какъ измѣнилъ и исказилъ многія событія библейской исторіи и рассказы изъ житій святыхъ.

И я зову всѣхъ, кому дорого благо народное, на борьбу всѣми силами со тьмою и суевѣріями.

Вл. Макаровъ.

Конгрессъ эсперантистовъ-католиковъ.

(30 марта—3 апрѣля).

I.

3 апрѣля нов. ст. въ Парижѣ, въ институтѣ католиковъ долженъ собраться конгрессъ католиковъ-эсперантистовъ. Эсперанто—это искусственно придуманный языкъ, имѣющій своею цѣлью объединить всѣ народы міра сначала единствомъ языка, а потомъ уже и братской взаимностью.

Передовые люди римско-католической церкви, понявъ всѣ огромныя послѣдствія отъ примѣненія этого языка для пользы

католической церкви, съ присущей имъ энергіей принялись за распространение этого языка между католиками всего міра. Въ настоящее время это дѣло у нихъ имѣетъ большой успѣхъ, они уже издають на этомъ языкѣ свою специально церковную газету, подь названіемъ „Espero Katolika“ („Католическая Надежда“), и ведутъ сложную переписку со всеми концами міра съ цѣлью пропаганды католичества между не принадлежащими къ нему и съ цѣлью болѣе активнаго единенія между своими же—католиками, принадлежащими къ разнымъ племенамъ и народамъ и говорящими на различныхъ языкахъ. На конгрессахъ (ежегодныхъ) эсперантистовъ міра, они служатъ литургіи и произносятъ проповѣди на этомъ языкѣ. Для всякаго понятно, насколько важны такіа служенія и проповѣди въ смыслѣ пропаганды. Нынѣ католики рѣшили создать міровую организацію, подь названіемъ „Tutmonda Katolika Unuigo Esperantista“ („Всемирный католическій эсперантистскій союзъ“), агенты котораго будутъ разбросаны по всему лицу земли. Уставъ организаціи уже выработанъ на 5 конгрессѣ эсперантистовъ, бывшемъ въ Барцелонѣ (въ Испаніи) въ августѣ мѣсяцѣ 1909 года, окончательное же его одобрение и самая организація союза послѣдуютъ въ свободное пасхальное время католической пасхи 1910 года. На это время, и именно, какъ сказано выше, на 30 марта—3 апрѣля, назначенъ 1-й конгрессъ католиковъ-эсперантистовъ, на которомъ собственно и должно завершиться дѣло организаціи союза.

Дѣло конгресса поставлено очень широко. Эсперантскія газеты всего міра, а также и не эсперантскія, оповѣстили міръ объ этомъ конгрессѣ. Папа римскій далъ свое „апостольское“ благословеніе, а архіепископъ парижскій разрѣшилъ конгрессу имѣть свои засѣданія въ Institut'ъ Catholique (высшая католическая школа). Устроители конгресса принимаютъ все мѣры къ тому, чтобы онъ былъ какъ можно многолюднѣе. Не только приняты заботы объ удобствахъ житья и пици, но организована встрѣча на вокзалахъ въ Парижѣ пріѣзжающихъ иностранцевъ и о размѣщеніи ихъ по квартирамъ. Французскія желѣзныя дороги дѣлають скидку 50% за проѣздъ на конгрессъ и обратно.

Работы конгресса объявлены въ такомъ порядкѣ (цитирую переводя изъ „Espero Katolika“, № 62):

„Рѣшено, что на нашемъ первомъ конгрессѣ мы не будемъ „глубоко обсуждать нашу программу, но по преимуществу мы „займемся ею съ спеціальной точки зрѣнія, а именно: будемъ изучать, какими средствами мы, католики-эсперантисты, будемъ помогать церкви посредствомъ эсперанто.

„Для этого необходимо, чтобы мы имѣли точныя, ясныя и законченныя свѣдѣнія изъ всѣхъ странъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

„Самая программа раздѣляется на двѣ части:

„I. Идеаль католичества.

„II. Служеніе церкви.

Въ первую часть входятъ три темы:

а) *Единеніе въ церкви.* Чтеніе общаго рапорта обо всемъ касающемся этого вопроса по полученнымъ свѣдѣніямъ посредствомъ эсперанто изъ различныхъ странъ. Диспуты и практическое заключеніе о нашихъ дѣйствіяхъ по этому вопросу.

б) *Международный миръ.* Чтеніе общаго доклада „о христіанскомъ миролюбіи“ и трудахъ католиковъ для достиженія этой цѣли по свѣдѣніямъ, полученнымъ посредствомъ эсперанто изъ различныхъ странъ. Диспуты и практическое заключеніе.

в) *Общественно-христіанское дѣло.* Возстановленіе христіанскихъ принциповъ справедливости. Общій докладъ, диспуты и практическое заключеніе.

Также три темы входятъ и въ часть 2-ю:

а) *Эсперанто, какъ орудіе осведомленности.* Общій рапортъ о матеріальномъ и нравственномъ положеніи церкви въ различныхъ странахъ, по документамъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ посредствомъ эсперанто. Диспуты и заключенія.

б) *Эсперанто—орудіе защиты.* Необходимость мірового католическаго союза для защиты вѣры и отвѣтовъ на клеветы безбожническихъ газетъ на церковь. Главный докладъ объ организаціи „мірового католическаго эсперантскаго союза“. Диспуты и заключенія.

в) *Эсперанто—орудіе пропаганды.* Общій докладъ о пользѣ эсперанто на международныхъ католическихъ конгрессахъ, съѣздахъ, паломничествѣ и распространеніи католичества. Диспуты и заключенія“.

Въ виду обширности программы рѣшено, чтобы успѣть закончить ее въ такой короткій срокъ, какъ дни конгресса (5 дней), прибѣгнуть къ такому способу веденія собраній:

На каждую тему избирается особый докладчикъ. Къ нему поступаютъ все полученныя доклады, изучивъ которые, онъ составляетъ изъ нихъ одинъ общій свой, который и зачитываетъ на собраніи. Послѣ чего дается слово всякому желающему говорить по заслушанному докладу (рѣчи не должны длиться болѣе 20 минутъ). Пренія разрѣшены всякому. Всякій вопросъ рѣшается въ одно засѣданіе, длящееся два часа.

Судя по этому удобному расположенію работъ,—въ 5 дней дѣйствительно все будетъ закончено.

Устроители конгресса въ концѣ программы добавляють: „дѣломъ наиболѣе интереснымъ на конгрессѣ является то, что англійскіе пасторы и восточно-православный прелатъ предложили высказать свои мнѣнія на конгрессѣ по поводу объединенія церквей“.

По соображеніямъ, что присутствіе на этомъ конгрессѣ кого-либо изъ старообрядческихъ начетчиковъ можетъ принести и нашей св. Христовой Церкви пользу, я, посоветовавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ братій-начетчиковъ, а также и съ своимъ мѣстнымъ епископомъ, рѣшилъ принять участіе въ трудахъ конгресса. Съ этою цѣлью я запросилъ учредителей конгресса: допустить ли они мое присутствіе на конгрессѣ и позволять ли сдѣлать докладъ о нашихъ взглядахъ на единеніе церквей и о положеніи нашей св. Христовой Церкви въ Россіи въ его прошломъ и настоящемъ. Въ отвѣтъ я получилъ выраженіе живѣйшаго интереса къ моему присутствію и полную готовность предоставить мнѣ слово, при чемъ сообщалось, что присутствіе старообрядцевъ на конгрессѣ *произведетъ важное впечатлѣніе даже въ высокихъ католическихъ средѣхъ.*

Послѣ перваго обмѣна письмами съ Парижемъ, я получилъ изъ Брюсселя (Бельгія) отъ профессора тамошняго католическаго

института Аустина Ричардсона письмо, въ которомъ онъ, убѣждая меня прѣхать на конгрессъ, увѣряетъ, что и я, и весь, кто со мною поѣхалъ бы, встрѣчены будутъ въ Парижѣ братскими шло-ваніями мира.

Послѣ сего, посоветовавшись еще разъ съ своими одновѣрцами, я рѣшилъ окончательно поѣхать въ Парижъ. Является возможность использовать этотъ конгрессъ въ нашихъ цѣляхъ. Упускать случая нѣтъ смысла; поговорка говоритъ—не жди случая, а лови его.

Благополучно пройдя все мытарства по полученію заграничнаго паспорта, я, ввиду такого далекаго путешествія и важнаго дѣла, совершивъ Господу Богу напутственный молебенъ и взявъ благословеніе отъ мѣстныхъ пастырей, 9 сего марта выѣхалъ съ мѣста своего жительства.

II.

Отправляясь на конгрессъ, я написалъ докладъ, въ которомъ изложилъ свои мысли по поводу положенія въ прошломъ и настоящемъ св. Христовой Церкви; о причинахъ дѣленія церквей и о средствахъ для ихъ единенія вновь. Содержаніе доклада изложено мною на языкѣ эсперанто. Вотъ его русскій переводъ:

Высокопочтимые милостивые

госуларыни и государи!

Мое первое слово я хочу начать подтвержденіемъ того, что нашъ дорогой эсперанто, дѣйствительно есть орудіе для единенія братьевъ-людей въ общемъ и для единенія церквей Христа въ частности. Но его одного не достаточно для этой цѣли. Человѣчеству для этого не хватаетъ еще чего-то. Это что-то, есть *недостатокъ пониманія полностью ученія Иисуса Христа.*

Въ мірѣ существуетъ много Христіанскихъ церквей, но они не въ единеніи. И не только нѣтъ единенія между христіанскихъ церквей, принадлежащихъ къ различнымъ народамъ и говорящихъ на разныхъ языкахъ, но также нѣтъ этого единенія и между церквей, принадлежащихъ и къ одному народу и говорящихъ однимъ языкомъ.

Это удивительно, но это такъ!

Напримѣръ: я—христіанинъ восточно-православный изъ Россіи. Въ Россіи двѣ главныхъ церкви восточно-православныхъ. Одна изъ нихъ называется старообрядческая, другая старовѣрческая или старообрядческая. Послѣдователей новой религіи (только великороссовъ) около 35—40 милліоновъ, послѣдователей старой религіи около 15—20 милліоновъ (тоже великороссовъ).—Эти ре-

лиги, принадлежа къ одному народу, говоря однимъ языкомъ, однако не находятся въ единеніи. Почему же? я спрошу.—Потому, отвѣчаю, что каждая изъ нихъ *различно понимаетъ ученіе Ісуса Христа.*

Я лично—старовѣръ.

Мы, послѣдователи старовѣрчества, къ сожалѣнію, не можемъ быть въ единеніи съ нашими братьями по крови, никоніанами, какъ мы обычно называемъ послѣдователей реформъ патріарха Никона. И это благодаря тому, что мы не можемъ признать за ученіе Ісуса Христа гоненія на людей различно мыслящихъ по религіознымъ вопросамъ. Но наши братья никоніане признали это какъ законъ, какъ догматъ на соборѣ 1666 г.

Такъ какимъ же образомъ мы можемъ быть въ единеніи съ этими гонителями, которые не только признали гоненія какъ ученіе Ісуса Христа, но, послѣдуя этому исповѣданію, они жестоко гнали насъ?

Гоненія были такъ ужасны, что я не въ состояніи выразить ихъ ужасъ. Не только люди (я не говорю-люди-христіане), но я думаю, что самъ дьяволъ не можетъ выдумать тѣхъ мученій, которыми они мучили нашихъ праотцевъ старовѣровъ. Мученія были всевозможныхъ видовъ, какъ напримѣръ: вырѣзываніе языковъ, рубленіе головъ, рубленіе, такъ называемое по-русски «четвертованіе», при которомъ человѣку отрубали сначала одну руку, потомъ ногу, затѣмъ другую руку и другую ногу и только потомъ ужъ отрубали и голову; они ихъ сжигали огнемъ, обливали на морозѣ ледяною водою и, замораживая, дѣлали изъ нихъ ледяныя статуи; ссылали въ ссылку въ далекія области страны, гдѣ нѣтъ ни людей, ни хлѣба и гдѣ царствуютъ только морозы да дикіе звѣри. Однимъ словомъ, съ ними дѣлали все, что только можетъ выдумать безуміе дикаго звѣря, обладающаго человѣческимъ разумомъ. Это продолжалось 250 лѣтъ.

Мало они насъ беспокоили только въ годахъ 1905—1906, когда «безбожники»-революціонеры и война съ Японіей ослабили правительство, и когда оно нуждалось зарасположить жителей страны въ свою пользу. Но теперь, когда реакція побѣдила, снова начинаются старыя дѣла. Мы снова ожидаемъ съ часу на часъ гоненія, а возможно даже и мученія.

Я снова спрашиваю: можемъ ли мы быть въ единеніи съ этими гонителями? Можемъ ли мы называться братьями о Христѣ съ тѣми, которые только насмѣхаются надъ ученіемъ Ісуса Христа? Эти люди называютъ себя во имя Христа—христіанами. Но на самомъ дѣлѣ христіане ли они? Нѣтъ, совершенно нѣтъ: тѣ, которые называютъ себя христіанами, но дѣлаютъ дѣла дьявола, не суть христіане; они суть слуги дьявола, который есть единственный отецъ гоненій. «Недостаточно носить имя христіанина,—но надо имъ быть»,—говоритъ мужъ апостольскій св. Игнатій.

И поистинѣ это такъ! Что значить носимое мною имя христіанина, когда дѣла мои суть дѣла антихриста? Какимъ же образомъ я буду братомъ слугамъ антихриста?

Нѣтъ. Совершенно невозможно! Я не только не могу, но я даже обязанъ имъ не быть.

Св. Іоаннъ Златоустый говоритъ: «лучше добрая война, чѣмъ позорный міръ»...

Мы должны воевать доброю войною со зломъ человѣка. Но воевать съ

нимъ—любовью, ученіемъ святымъ Господа нашего Ісуса Христа. Мы должны добиваться всеобщей любви.

Я чувствую, милостивые государи и государыни, что вы мнѣ сочувствуете и раздѣляете мою точку зрѣнія.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ Россіи Церковь Христа, такъ называемая старообрядческая.

Въ странахъ Западной Европы положеніе церквей нисколько не лучше.

Простите мнѣ пожалуйста: я позволю себѣ думать, что я говорю не просто къ католикамъ, но къ католикамъ-эсперантистамъ, что далеко не одно и то же. Съ католиками-эсперантистами, моими одноязычниками, я знакомъ по журналу «Espero Katolika» и изъ него вижу, что мы не только одноязычники, но даже единомышленники. Но этого я не могу сказать о всемъ католичествѣ. Я надѣюсь, господа слушатели что вы меня поймете и простите, если я скажу что-либо о католичествѣ не совсемъ хорошее: оно вѣдь въ своемъ прошломъ недалеко ушло отъ никоніанства. Я позволю себѣ напомнить вамъ, милостивые государи и государыни, времена «святой» инквизиціи... Надѣюсь вы меня поймете.

Теперь я снова спрашиваю: можемъ ли мы братски подать руку католичеству въ его прошломъ, а также и въ его настоящемъ, когда оно все еще не отбрасываетъ принциповъ, которые не суть Христовы. Для иллюстраціи настоящаго католичества я напомню высокому собранію случай, имѣвшій мѣсто въ Венгріи и описанный въ газетѣ «Esperanto» № 67 отъ 5 декабря 1909 года. Этотъ случай о многомъ говоритъ.

Все вышесказанное мною изложено не съ цѣлью сдѣлать кому бы то ни было непріятное. Нѣтъ, гг. слушатели, всецѣло нѣтъ! Я могу васъ сердечно въ томъ увѣрить... Я желалъ только пріоткрыть маленькую частичку исторіи. Во всемъ же цѣломъ я стремлюсь къ приближенію братства церквей. Но прежде мы должны хорошо знать другъ друга, а также знать и причины, насъ раздѣляющія.

Но вѣдь я могу также сказать и слѣдующее: католичество по отношенію къ намъ, старовѣрамъ, было какъ бы братомъ, съ одной стороны. Когда никоніанство воздвигло на насъ гоненія, мы бросали родину и убѣгали въ другія страны—страны, населенныя жителями католиками. Тамъ, подъ покровительствомъ католичества, намъ жилось лучше нежели на родинѣ. Мы населили страны: Пруссію, Австрію, Румынію и даже Турцію, замѣтьте, милостивые государи, даже и Турцію, страну Магомета!

И повсюду намъ было лучше, нежели на нашей родинѣ, горячо нами любимой. Вотъ за это-то я могу принести благодарность католичеству. Это доброе дѣло есть пунктъ, на которомъ мы соприкасаемся, пунктъ, дающій возможность приступить къ переговорамъ объ единеніи. Другую мою благодарность я могу принести католичеству за позволеніе мнѣ присутствовать на этомъ конгрессѣ: отъ никоніанъ мы не могли добиться позволенія присутствовать на съѣздѣ миссіонеровъ въ 1908 году въ Кіевѣ.

Я повторяю: мы должны смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Мы, христіане православно-восточные, все, не исключая даже и насъ, старовѣровъ, смотримъ на католичество, какъ на врага нашего. Мы, русскіе, даже имѣемъ специальную пословицу на этотъ предметъ, которая характерно рисуется наши взгляды

на католичество. *«Никто не сдѣлалъ столько зла Россіи, какъ ханъ крымскій, да папа римскій»*, говоритъ эта пословица.

Все это мы должны устранить, прежде нежели придти къ согласію. Правда, все это было въ прошломъ, но тѣмъ не менѣе съ этимъ необходимо считаться...

Попытки къ объединенію со стороны католичества были не разъ. Во времена русскаго великаго князя Ивана Васильевича въ Москвѣ былъ легатъ Антоній. Къ великому князю Василю Ивановичу былъ присланъ въ Москву папой Львомъ X-мъ легатъ Шамбергъ; у того же князя также былъ и другой посолъ—капитанъ Павель и легатъ Іоаннъ Францискъ, епископъ Скаренскій. Въ 1576 году былъ присланъ въ Россію священникъ Рудольфъ Клегенъ. Отъ папы Григорія XIII былъ присланъ въ Москву профессоръ богословія іезуитъ Антоній Поссевинъ съ спеціальною цѣлью вести переговоры съ царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ о соединеніи церквей. Онъ имѣлъ диспуты съ царемъ въ присутствіи бояръ и народа. Не однажды папы обращались къ московскимъ князьямъ съ спеціальными грамотами и письмами, въ которыхъ они предлагали единеніе. Но эти всѣ попытки успѣха не имѣли. Однако, одинъ изъ митрополитовъ московскихъ, именно Исидоръ, принялъ единеніе, и имя папы однажды было провозглашено за литургіей въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ настоящее время на пути единенія работаетъ митрополитъ галицкій Андрей графъ Шептицкій. Уже нѣсколько писемъ прислано имъ къ моимъ братьямъ-старовѣрамъ и недавно имъ былъ принятъ отъ насъ одинъ священникъ, нѣкто Сусалевъ, который теперь работаетъ на пути объединенія въ Петербургѣ.

По поводу этого послѣдняго случая я имѣю заявить, что путь къ единенію посредствомъ священниковъ, подобнаго Сусалеву, не хорошій путь и не могущій привести плоды: этотъ священникъ—не хорошій священникъ, но дебоширъ, и за свои дебоши лишенъ былъ священнослуженія своимъ діоцезнымъ епископомъ Иннокентіемъ Нижегородскимъ.

Если католичество желаетъ единенія, то оно должно дѣйствовать не посредствомъ этихъ жалкихъ людей, каковъ есть священникъ Сусалевъ, но оно должно идти болѣе лучшими путями.

Я могу со своей стороны рекомендовать обращаться посредствомъ писемъ на эсперанто къ епископамъ Александру Рязанскому и Иннокентію Нижегородскому—вначалѣ. Послѣ можно будетъ писать соборамъ епископовъ нашихъ, которые бывають ежегодно около августа и сентября мѣсяцевъ. Этотъ путь добрый и могущій принести плоды.

Оканчивая мой докладъ, я въ видѣ заключенія позволю себѣ выразить слѣдующее: *единеніе можетъ установиться только тогда, когда мы, эсперантисты, употребляя эсперанто, широко распространимъ его между народами земли; когда мы, эсперантисты, посредствомъ нашего дорогого эсперанто внидримъ въ сердца и сознанія всѣхъ людей истинныя идеи Христа, и когда мы, эсперантисты, такимъ путемъ установимъ между народами истинную любовь Христа, только тогда и настанетъ единство.*

Задача эта очень далека, но не недостижима. Мы, братья-эсперантисты, поднявшіеся выше стѣнъ національной гордости, должны усерднѣйшимъ образомъ работать, чтобы достигнуть этой цѣли. Мы, эсперантисты-христиане, дол-

жны вести борьбу всякій въ своей средѣ противъ церковныхъ предрассудковъ въ массахъ, противъ религіознаго ненавистничества, которое такъ сильно въдрено въ сердца массъ долгими трудами нашихъ «христіанскихъ» пастырей. Какъ первый шагъ, мы должны установить въ сердцахъ и головахъ нашихъ пастырей возвышенность ученія Ісуса Христа и всеусерднѣйше просить ихъ потомъ въдрать это ученіе въ сердца и головы ихъ пасомыхъ. Такимъ образомъ мы достигнемъ рѣшенія нашей задачи.

Нахожу необходимымъ сообщить, что мы, старообрядцы, исповѣдуемъ нашу вѣру согласно съ никеоцареградскимъ символомъ вѣры и не признаемъ на землѣ другого авторитета для Церкви, кромѣ Ісуса Христа; мы руководимся въ нашей жизни Его ученіемъ, находящимся во св. Евангеліи. Наивысшая инстанція управленія нашею Церковью—ежегодные соборы епископовъ нашихъ совместно со священниками и народомъ. Всякій изъ нашихъ епископовъ есть только старшій братъ и имѣетъ надъ народомъ власть только духовно-нравственную. Никто не имѣетъ среди насъ авторитета непогрѣшимости.

Извините мнѣ, уважаемые слушатели, мой долгій докладъ, но я чувствовалъ необходимость говорить и больше по этому важному вопросу.

III.

Быстрота, съ которою нынѣ совершаются путешествія, заставляетъ немногое увидѣть, хотя и много проѣдешь. Почти 1300 верстъ отъ Москвы до Варшавы, но они такъ промелькнули, что ихъ и невидно. Но Варшаву нельзя миновать: въ Варшавѣ есть старообрядцы. Зналъ я, что есть тамъ и храмъ. А тутъ еще встали недавно и священникъ съ причетникомъ опредѣлены туда отъ насъ, ну и захотѣлось узнать о судьбахъ старообрядчества въ этихъ краяхъ.

Между поѣздами времени оставалось свободнаго 4 часа и я отправился въ городъ—отыскивать храмъ. Я засталъ въ храмѣ о. Афанасія, только что закончившаго службу.

Храмъ невеликъ, но уютенъ. Иконостасъ небогатъ, но иконопись, сдѣланная трудами Я. А. Богатенкова, выглядываетъ великолѣпно. Свѣта довольно. Довольно и воздуху, но вотъ, какъ могутъ помѣститься 100 человѣкъ молящихся въ этомъ храмѣ, каковое число бываетъ часто, какъ говорятъ, я ужъ не знаю: храмъ малъ. И если ихъ дѣйствительно собирается по 100 человѣкъ, то вѣроятно бываетъ очень душно и земныхъ поклоновъ дѣлать нельзя.

Изъ распросовъ оказалось, что старообрядческихъ домовъ въ Варшавѣ до 35. Всѣ они по большей части люди богатые и

храмъ могли-бы создать великолѣпный, но къ сожалѣнію въ Варшавѣ на 35 домовъ старообрядцевъ, существуетъ 2 общины и притомъ ведущія между собою борьбу. Имѣются также и 2 храма. Въ одномъ принадлежащемъ Евсевию Трофимовичу Гладилину и находящемуся въ одномъ изъ флигелей его дома на Долгой № 20, служитъ священникъ о. Афанасій Масловъ, бывшій въ Георгіевской общинѣ въ г. Егорьевскѣ, а въ другомъ, на Налевкахъ, принадлежащемъ г. Махоткиной, служитъ дьячекъ. Оба храма неподалеку другъ отъ друга, и не потому—здѣсь два храма, что одинъ посѣщать далеко, а просто изъ за капризовъ старухи Махоткиной, которая по весьма страшнымъ соображеніямъ не желаетъ имѣть въ Варшавѣ постояннаго священника, а вынуживаетъ изъ Черниговской губерніи изъ посада Чуровичи о. Анатолія Суярокова по временамъ. На самомъ-же дѣлѣ въ Варшавѣ безусловно долженъ быть священникъ постоянный: Варшава кишитъ войсками всякихъ родовъ, а въ нихъ множество солдатъ старообрядцевъ, которымъ некуда обращаться за исповѣдью какъ только въ Варшаву. Но кромѣ ихъ тутъ много бываетъ пріѣзжихъ людей старообрядцевъ и на работы по постройкамъ и на обработку огородовъ лѣтомъ. Всѣмъ имъ часто пужны бываютъ всякія требосправленія, и часто внезапныя, а за 1000 верстъ—священника скоро не получишь. Вотъ эти-то собственно соображенія и привели Гладилина и людей ему содѣйствующихъ основать свой храмъ и пригласить священника съ причетникомъ на постоянное жительство, такъ какъ уговорить г. Махоткину имѣть постояннаго священника не удалось.

Удивительное дѣло: когда насъ не трогаютъ и сами ничего не дѣлаютъ, то мы неподвижны, но стоитъ только кому либо заняться дѣломъ, то мы настолько воодушевляемся и притомъ не содѣйствуемъ, а обычно противодѣйствуемъ, что отъ насъ, что называется, хоть въ прусію бѣги. Такъ это случилось и здѣсь. Госпожа Махоткина сначала приняла мѣры, чтобы священника г. Гладилину не дали и потому онъ его добивался лѣтъ 5. А когда онъ пріѣхалъ, о. Анатолій чуть-ли не ежемѣсячно сталъ пріѣзжать въ Варшаву. Ни какія просьбы ограничить эти пріѣзды непомогали. Просили объ этомъ архіепископа, епископовъ Михаила и Александра и все-таки кто-то оказался всѣхъ ихъ старше, и потому,

запрета на прїѣзды въ чужой приходъ о. Анатолію наложить никто не могъ. Онъ прїѣзжаетъ крестить, вѣнчать и т. д., а въ его отсутствіе всѣ требы исправляетъ дьячекъ.

о. Анатолій очень стремится удержать за собою этотъ приходъ и поэтому неопытнымъ внушаетъ, что отъ него, какъ отъ о. духовнаго, они уйти немогутъ, вслѣдствіе чего простодушные и въ тяжелой болѣзни, не рѣшаются напутствоваться у имѣющагося священника.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ обстоятельство: куда же въ такихъ случаяхъ дѣвается наша духовная власть, которая устанавливаетъ распорядокъ въ церкви?

Вѣдь о. Анатолій мало-того, что не даетъ окрѣпнуть Варшавскому приходу, но онъ свой Чуровскій приходъ оставляетъ безъ священника забираясь въ такую даль, да еще на такіе большіе праздники какъ на примѣръ Богоявленіе и ему подобные.

Г. Гладилинь и его супруга, узнавъ о моемъ посѣщеніи храма, прислали просить меня навѣстить и ихъ. Упрашивать себя я не заставилъ. Познакомился. Люди это очень богатые и притомъ очень дорожащіе религіей. Сама г. Гладилина намѣревалась отдать одинъ изъ земельныхъ участковъ, ей принадлежащихъ, подъ постройку на этомъ мѣстѣ храма, если-бы приходъ соединился во едино. Но къ единенію никакъ немогутъ подойти близко. Община Гладилинскаго храма, какъ видно изъ протоколовъ ея собраній, очень энергично вела дѣло по объединенію, но достигъ ничего не могла, и теперь, кажется отступилась, рѣшивъ, что все равно толку nebude.

Конечно, въ этомъ опущеніи рукъ повиненъ много и священникъ, не выдержавшій долго и сбѣжавшій, но варшавцы говорятъ, что въ этомъ побѣгѣ виноватъ кто-то выше священника стоящій и потому его судить въ этомъ нельзя, а самъ онъ священникъ хорошій. Съ прїѣздомъ отца Афанасія дѣло, кажется, будетъ улучшаться. Священникъ этотъ тихій, скромный, и надо полагать, своимъ усердіемъ побѣдитъ вражду, хотя должно сознаться, что онъ уже въ курсѣ ея и очень жалуется на неприятели. Недай Богъ, если его неудовольствіемъ къ неприятели воспользуются и предложатъ переводъ, то и онъ сбѣжитъ. Послѣ него у г.г. Гладилиныхъ въ сердцѣ останется пустота (что они и высказали), и они

едвали будутъ продолжать это доброе дѣло. Будетъ очень обидно—если это случится, ибо Варшава—важный пунктъ для старообрядчества и благоустроенный храмъ тамъ необходимъ.

Г-жа Гладилина (женщина воспитанная и духовно и свѣтски), очень страдаетъ за судьбу старообрядческихъ дѣтей въ Варшавѣ и опасается что они, благодаря обстоятельствамъ, оторвутся отъ устоевъ отцовъ и дѣдовъ. Воспитаніе и образованіе имъ дается свѣтское, а духовнаго нѣтъ. Не только нѣтъ отвѣтовъ на высокіе запросы духа, но даже до сихъ поръ никакъ необзаведемся добрыми примѣрами христіанской жизни, обрядовъ и богослуженій. Хотя бы съ этой стороны устроиться и это ужъ было-бы важное дѣло, но и тутъ становятся преграды,—жалуется она,—и кто-же, тѣ, которые должны этому всячески содѣйствовать. Мы здѣсь могли-бы многое сдѣлать и не только для насъ старообрядцевъ лично, но и для старообрядчества вообще: насъ старообрядцевъ здѣшнее католическое населеніе любить и потому относится очень благожелательно, оно всячески готово содѣйствовать намъ, не взирая на то, что, вообще русскихъ здѣсь ненавидятъ. Даже въ частномъ случаѣ—какъ вотъ покупка этого дома нами, продолжала г. Гладилина, и то мы имѣли возможность получить выраженіе хорошаго отношенія: домъ намъ потому только продали, и притомъ крайне дешево, что мы старообрядцы. (Дѣйствительно, домъ стоитъ тысячъ до 500, а купленъ за 50).—Все это говоритъ за то, что намъ здѣсь работать на пользу старообрядчества можно. Но моральной помощи отъ нашего епархіального епископа мы къ сожалѣнію не имѣемъ.

Насколько возможно было, я успокаивалъ ихъ, просилъ быть энергичнѣе въ достиженіи добрыхъ дѣлъ, а также по возможности и терпѣливѣе при неудачахъ, не всегда въ этомъ обвиняя другихъ.

Интересовались очень о судьбѣ е. Михаила Канадскаго, котораго они очень уважаютъ, а также и дѣти ихъ. Сочиненія его они охотно читаютъ и благодарятъ за его труды въ борьбѣ съ безбожіемъ. Не мало дивились, почему это—такой достойный епископъ такъ много притѣсняется нѣкоторыми.

Любезно напутствуемый благими пожеланіями на задуманное мною дѣло въ Парижѣ я оставилъ любезныхъ хозяевъ.

На станціи при отъздѣ меня провожалъ одинъ изъ варшавскихъ старообрядцевъ. По его словамъ живутъ старообрядцы въ Варшавѣ въ общемъ не дурно, и волнуются лишь потому, что ужъ такова натура старообрядца, что онъ вѣчно хочетъ лучшаго. Я думаю, что такія волненія полезны.

Давъ обѣщаніе на обратномъ пути познакомиться и съ Махоткинскимъ приходомъ—если только я буду возвращаться тѣмъ же путемъ, я отъѣхалъ изъ Варшавы.

IV

Отъ Варшавы до Берлина всего нѣсколько часовъ пути. Но путевыя обстоятельства рѣзко измѣнились. Русскій элементъ исчезъ. Языкъ только польскій. Лица совершенно другія. Въ вагонахъ тѣсно: сегодня великая пятница (католическая) и люди отовсюду спѣшатъ на пасхальные праздники домой. Всѣ оживлены. Всѣ волнуются. Везутъ окорока и другія снѣди. Но не замѣчается того радостно-душевнаго предпраздничнаго настроенія, какое наблюдается у насъ. Для нихъ праздникъ почти не выходитъ изъ рамокъ обыденности. Мясо они себѣ на здоровье и въ великую пятницу кушаютъ, и во всемъ остальномъ себя не стѣсняютъ, а церковныя обряды для нихъ потеряли значеніе чего-то дорогого, чего-то таинственнаго для человѣческаго сердца, и потому для нихъ наступило почти полное, сѣрое безразличіе.

Мнѣ плохо приходилось:—говоръ всюду чужой, лица чужія. Кушанья въ буфетахъ скромныя и ѣсть чего не стало. Хотя кипятку на заварку чая еще можно достать, но его пить негдѣ, тѣсно. И пришлось говѣть до Берлина, какъ въ настоящую великую пятницу, за всѣхъ католиковъ сразу.

Добро хоть привычка къ этому есть!

Александрово. Пересадка. Нѣмецкій языкъ кондукторовъ. Торнъ. Всякія формальности. Отъ Варшавы до Александрова я доплатилъ за скорость одинъ рубль, а отъ одной границы Германіи и до другой ея—одну марку т. е. 50 коп. Порядки пошли нѣмецкія. Вагоны другіе, для сна не удобны, но хороши: чисты, свѣтлы, въ уборныхъ вода въ изобиліи, бесплатное мыло и полотенца. Уборныя и для мужчинъ и для дамъ отдѣльно. Въ вагонахъ почти пусто: русскіе поляки остались въ Россіи, а нѣмец-

кіе возвращаются на праздники изъ Берлина и другихъ крупныхъ городовъ, евреи, имѣя Пуримъ, не успѣли его отпраздновать, какъ наступила суббота и потому ѣдущихъ очень мало.

Утро. Берлинъ. Удивленіе желѣзною дорогою идущею черезъ весь Берлинъ. Удивленіе огромнымъ движеніемъ поѣздовъ и грандіозностью вокзаловъ. Вокзалъ Фридрихштрассе. Остановка. Покидаю вагонъ. Гостиницы окружаютъ вокзалъ. Носильщикъ ведетъ меня въ гостиницу г. Киль. 4 марки-малюсенькій №. Но мнѣ безразлично. Большое удовольствіе: прислуга говорящая по русски: ну кто радъ говорить этимъ безтолковымъ нѣмецкимъ языкомъ! Привелъ себя въ порядокъ. Помолился Богу, напился чаю въ комнатѣ, по русски и отправился на розыски эсперантистовъ, проводничествомъ которыхъ я хотѣлъ воспользоваться по Берлину. Но къ несчастью делегатъ универсальной Ассоціи перемѣнилъ квартиру и не извѣстилъ куда переѣхалъ. Пришлось пользоваться языкомъ нѣмецкимъ и положиться на собственные силы.

То, что я увидѣлъ за два дня проживанья въ Берлинѣ, пріятно, но до зависти восхищало меня: чистота всюду поразительная! Улицы все залиты чуднымъ асфальтомъ, давшимъ возможность широко использовать особый спортъ катанья на конькахъ—на колесикахъ. Интересное, а подь часъ и практическое удовольствіе:—быстрота движенія невѣроятна,—часто я наблюдалъ, что бѣгущіе на этихъ конькахъ, отъ автомобиля не отставали. Автомобильное сообщеніе широко поставлено и автомобилями больше, нежели экипажей на лошадяхъ. Плата унормирована таксометрами, такъ что торговаться не приходится.

Движеніе на улицахъ невѣроятно: масса идущихъ людей, множество трамваевъ, автомобилей—трамваевъ, а простые автомобили такъ и кишатъ отовсюду. Пришлось бѣднымъ нѣмцамъ движеніе регулировать на перекресткахъ городскими: сначала пропустить вдоль, остановивъ движеніе поперекъ, а затѣмъ пропускаютъ поперекъ, остановивши движеніе вдоль. Для коннаго, верховаго катанья, оставлены особые тротуары, высыпанные гравіемъ. Какой чудный парадъ—городовые: все на подборъ, сыты, видны, одѣты роскошно, и все красавцы какъ одинъ! Да и вся публика: чиста, сыта, самодовольна. Чувствуешь зависть къ этой націи, сумѣвшей собственнымъ трудомъ достигъ такого благополучія; по крайней

мѣръ вишняго. Постройки невѣроятны. Удивительныя желѣзныя дороги: надземная и подземная. Сколько денегъ и какой огромной затраты труда стоили эти сооруженія! И люди рѣшились на это и создали что-то великое.

За два дня—я два раза видѣлъ ихъ императора и всю его семью. Какая простота его появленья на улицахъ, или верхами съ небольшою кучкою приближенныхъ, или въ автомобиляхъ. Но нужно видѣть и снова позавидовать, съ какимъ благоговѣнiемъ, съ какою особенною любовью относится къ нему народъ. Положительно зависть беретъ, а вѣдь кажись все такъ просто, только на перекресткахъ городовыя повнимательнѣе регулируютъ движеніе, да народъ, услышавъ извѣстные уже имъ сигналы автомобиля, группируется поближе къ краю тротуара и семья императора проѣзжаетъ отъ васъ въ двухъ-трехъ шагахъ. Умилительное зрѣлище! Воистинну завидное.

Я не преминулъ посѣтить наше русское посольство, дабы имѣть представленіе о немъ. Улица унтеръ дѣръ лндэнъ по нѣмецки, № 7. Пришелъ. Удивился не мало: только и признаковъ представительства нашей великой родины, что нашъ двуглавый орелъ на верху зданія и ничего больше! Обидно сдѣлалось. Неужели ужъ мы такъ плохи, что и признаковъ своего существованія показывать не надо... Прошелъ въ церковь. Крайне небогата. Собранье иконъ, что называется съ борку да съ сосенки, кое какъ, кое откуда и сдѣланное кое какими руками. Даже три поклона положить затрудняешься—ужъ очень отталкиваетъ эта небрежность. Вѣдь кругомъ—лубокъ на лубкѣ! Съ горькимъ чувствомъ я вышелъ оттуда... не наше это, не старообрядческое, но вѣдь мое оно, родное, русское. Господи, до чего дошли наши никоніане; до чего они профанируютъ все святое для русскаго человѣка. Неужели эти вылощенные попы никоніанъ думаютъ, что русскій народъ совершенно скотина, и что онъ на всякій лубокъ будетъ молиться, лишь бы сказать ему, что это икона. Ужасно обидно.

Въ шесть часовъ ожидалась служба. Молящійся пришелъ одинъ,—бѣглый солдатъ изъ тамбовской губерніи родомъ. Замореный, загнаный, затравленный звѣрь, страшно тоскующій по родинѣ и не могущій вернуться туда. Живетъ кое какъ, вирогододь. Живетъ надеждою: а можетъ быть можно будетъ вернуться!..

Убѣжать онъ проклятой судьбою, въ проклятой 1905 годъ. Кто-то винтовку стянулъ у него, заснувшаго на посту и потому ничего не оставалось, какъ бѣжать. И вотъ результаты: жить почти не возможно, домой до болѣзненности хочется вернуться и вернуться нельзя.

Не остался я здѣсь службы смотрѣть. Знаю я эти службы и по Россіи матушкѣ, ну, а здѣсь поди и того хуже, ну и ушелъ. Пришелъ я въ храмъ католиковъ. Нужно знать, что Берлинъ—это городъ протестантовъ и католики здѣсь не въ большомъ фаворѣ. Но какое прекрасное зданіе церкви у нихъ. Какая обширность. Какое подавляющее впечатлѣніе производитъ оно своею массивностью. Идетъ торжественное великосубботнее служеніе. Масса духовенства и народа. Готовится крестный ходъ. Храмъ имѣетъ круглую форму. Сидѣнья установлены съ расчетомъ возможности крестныхъ ходовъ вокругъ, по стѣнамъ храма. Въ верху высоко горитъ электрическое солнце; до двадцати бронзовыхъ, золоченыхъ паникадилъ свѣсилось сверху низко-низко къ молящимся, занявшимъ, свои лавочки, и всѣ они горятъ яркимъ электричествомъ, вдѣланнымъ въ искусственныя свѣчи. Получается впечатлѣніе горящихъ свѣчъ. Высокіе хоры. На нихъ пѣвцы, но преимуществу дѣвицы. Напротивъ, какъ обычно у католиковъ открытаго алтаря, огромный органъ. Массы хоругвеносцевъ—разцвѣченныхъ всякими знаками церковныхъ отличій, мужскаго и женскаго пола, торжественно настроенныхъ. Органъ льетъ сверху могучіе, торжественные звуки. Стройно хоры звучатъ. Безпокойно, раздражающе безпокойно, звучитъ и очень въ тактъ, колокольчикъ. Шествіе медленно движется давя своею торжественностію. Но все это слишкомъ поверхностное чувство, бьющее только на эффектъ перваго впечатлѣнія: стоитъ вамъ во все это взглянуть—какъ вся иллюзія торжественности рушится и получается какая-то бутафорія. Получается какая-то внутренняя пустота. Храмъ пустъ. Голыя стѣны съ нѣсколькими статуями, насъ не радующими, а отталкивающими. Какія-то безмысленныя припаданія, или просто присѣданія, при входѣ и выходѣ, на одно колено, и то больше въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Выходитъ такое впечатлѣніе:—споткнулся человекъ, но не упалъ. И это-же продѣлываютъ поны предъ возвышенностью изображаю-

шей престолъ. Крестятся всею рукою, слѣва на право, но опять-таки, только воображаютъ, что крестятся, на самомъ же дѣлѣ, нѣсколько разъ стукнуть, или просто мазнуть, по груди рукою и готово! Дѣланность движеній повсюду: воздѣваніе рукъ священниковъ, стойка на колѣняхъ опускающая голову и т. д. и т. д. безъ конца. Но поютъ, всѣ когда поютъ, съ большимъ воодушевленіемъ.—Кончилась служба въ 10 часовъ вечера. Кончилась также внезапно, какъ внезапно и началась. Интереснымъ для насъ наблюдалось то, что пѣніе духовенства унисонное, и очень похожее на наше, и хожденіе крестнаго хода—по солонь.

Утрени нѣтъ. Пасхальная служба отъ 6 утра до 10.

Выслушавъ службу, я отправился бродить по улицамъ, чтобы видѣть жизнь города въ ночь подъ Свѣтлое Христово-Воскресеніе. И что же: кругомъ музыка, театры, полные кафе, безконечные толпы гуляющихъ. И признака религіознаго настроенія нѣтъ.

На утро я посѣтилъ церковь протестантовъ. Это громаднѣйшее зданіе, а пожалуй даже точнѣе, гигантское. Чудная архитектура. Богато обдѣланная и снаружи и изнутри. Однимъ словомъ, постройка стоящая свыше 20 миліоновъ марокъ. Внутри также просторно, также кругло, также отсутствуетъ живопись и всюду статуи какъ и у католиковъ. Тѣ-же сидѣнья. Окна задѣланы живописью по стеклу, и та же необходимѣйшая живопись на просвѣтъ, позади алтаря,—рисующая главные моменты жизни Іеуса Христа.

Важные распорядители въ цвѣта воронова крыла фракахъ, съ значками на груди, распредѣляли публику по скамейкамъ. Пришлось и мнѣ занять мѣсто въ ряду другихъ (стоять не допускали). Оказалось, что тамъ, гдѣ мнѣ сидѣть пришлось прибита дощечка съ надписью „Paulo“ и вездѣ, и всюду, эти надписи и съ Павломъ, и съ Владиміромъ, и съ Мюллеромъ и т. д. и т. д. это значить: мѣста эти откуплены и на нихъ имѣютъ право только ихъ купившіе.

Службы собственно нѣтъ, а просто люди забавляются слушаніемъ музыки и подчасъ сами подпѣваютъ органу. Неспорно, дѣло проходитъ забавно. Одинъ разъ появился на возвышенности изображающей престолъ какой-то человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, и также, какъ у католиковъ, присѣдая—взялъ евангеліе и про-

читавъ слушателямъ очередное мѣсто, — растолковалъ его своими словами.

Потомъ отошелъ къ стѣнкѣ, и заложивъ ногу на ногу, спокойно у сѣбя слушать музыку органа и пѣніе усердныхъ женщинъ.

Въ общемъ, для насъ, впечатлѣніе странное, и нисколько не интересное.

И удивительно, что, огромная масса людей увлечена этою религіей и очень усердно слѣдуетъ ей.

Долго быть не представляло интереса, такъ какъ нѣсколько картинъ, хорошо написанныхъ и видимыхъ также на просвѣтъ, осмотрѣны сразу, статуи не интересны, освѣщеніе электрическое и подавно, а поэтому я и поспѣшилъ выйти отсюда.

Н. Зеинъ.

(Окончаніе будетъ).

Н а ш а ж и з н ь.

Е к а т е р и н б у р г ъ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ)

Епархіальный съѣздъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи.

14 февраля сего года въ Екатеринбургѣ въ церковномъ домѣ открылся епархіальный съѣздъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи. На съѣздъ пришло 35 священниковъ, 4 дьякона, 27 уполномоченнымъ отъ общинъ и приходо́въ и безъ уполномочій 7 мірянъ.

Въ день открытія съѣзда преосвященнымъ Антоніемъ Пермскимъ и Тобольскимъ, въ сослуженіи мѣстнаго и пріѣзжаго духовенства, всѣхъ до 20 человекъ соборно была отслужена литургія.

Затѣмъ, въ 3½ часа, съѣздъ открытъ былъ епископомъ Антоніемъ, и онъ предлагаетъ выбрать предсѣдателя изъ священниковъ, но члены съѣзда просятъ епископа занять мѣсто предсѣдателя. Онъ соглашается.

Первый важный вопросъ является объ избаніи начетчика на мѣсто умершаго А. Д. Токманцева.

Читается письмо епископа Иннокентія, который предлагаетъ начетчика—своего брата В. Г. Усова. Собраніе довольно. этимъ предложеніемъ, довѣряя епископу Иннокентію.

Кстати, В. Г. Усовъ лично явился на съѣздъ.

„Господь, какъ мудрый воспитатель, попустилъ всѣмъ язычникамъ ходить своими путями“ (Дѣян. 14 гл., 17 ст.). Божественное провидѣніе, такимъ образомъ, предъ уготовляло весь до-христіанскій міръ къ Христу и вело его хотя и медленно, но вѣрно къ общанному прародителямъ человѣческаго рода спасенію.

И. А. Лукинъ.

Конгрессъ эсперантистовъ-католиковъ.

(30 марта—3 апрѣля).

(Окончаніе)*).

Вечеромъ я выбылъ изъ Берлина, чтобы продолжать свой путь къ Парижу. Пасха продолжалась еще сегодня (два дня празднуютъ), и потому ѣдущихъ было очень мало. Утромъ я вышелъ въ Кельнъ н/Р. и остался тамъ до вечера. Городъ очень интересный и довольно обширный: Первымъ долгомъ рѣшилъ отправиться отыскать делегата Универсальной Ассоціи чтобы использовать его услуги при ознакомленіи съ городомъ, но такъ какъ вокзалъ лежитъ около самага главнаго собора который они называютъ „Dom“, то я, пока еще было рано, визитировалъ этотъ соборъ. Зданіе несомнѣнно архитектуры красивой. Построено замѣчательно. Живопись по стеклу (на окнахъ) также роскошна, но въ церкви страшная пустота. Такъ и чувствуется, что съ внаружи-то тѣло какъ тѣло, а внутренностей-то нѣтъ, черви изъѣли. Шла ранняя служба. Службу здѣсь служатъ обычно чуть-ли не во всѣхъ закоулкахъ храма особо. Вамъ нравится здѣсь, вы слушаете литургію здѣсь, желаете тамъ, идите туда. Очевидно священниковъ довольно, а алтарей также сколько хочешь. Но народу немного. Входящіе обычно окунаютъ руку въ воду, подскакиваютъ на одно колѣно (они именно подскакиваютъ, такъ какъ только дѣлаютъ видъ что они колѣнопреклоняются), и мазнувъ себя пятерней по груди, бѣгутъ дальше. Подбѣгутъ къ скамеечкамъ. Станутъ на колѣни на болѣе низкую лавочку (какъ бы

*) См. жур. „Старообрядческая Мысль“ № 5, май 1910 г.

проножка у нашихъ скамеекъ), и уткнувшись лицомъ въ ладони рукъ, поставленныхъ на локти верхней скамейки (подобіе ученической школьной партѣ), изображаютъ, очевидно, сокрушеніе сердечное. Постоявъ такъ минуты три-четыре, они бѣгутъ обратно, при выходѣ снова подскакиваютъ на колѣно и уходятъ, очевидно полагая, что дѣло моленія окончено.

Для насъ зрѣлище только забавное и отнюдь непонятное. Какъ только это можно дойти до такого небреженія къ дѣлу религіи!?. А вѣдь кажись они къ религіи и очень ревнивы...

Изображеній интересныхъ въ смыслѣ древности нѣтъ. Да они очевидно ими и не интересуются.

Когда я прошелъ немножко поглубже въ городъ, то я встрѣчалъ тамъ болѣе древнюю церковь и въ надеждѣ, что можетъ быть я найду въ ней что либо изъ древностей, интересующихъ насъ, зашелъ и въ эту церковь. Но и тутъ полностію голая стѣны, расписанныя стекла оконъ, да грязныя отъ времени статуи.

Делегата Универсальной Ассоціи я не нашелъ, но за то въ совершенно противоположной части города нашелъ вице-делегата, г. Квамбушъ. Это ужъ даже не собственно въ Кельнѣ, а въ другомъ городкѣ, лежащемъ по ту сторону Рейна но постепенно слившемся съ Кельномъ и потому ставшимъ единое съ Кельномъ, хотя и сохранившимъ свое прежнее названіе прибавляемое обычно къ Кельну (Köln-Deutz).

Г-нъ Квамбушъ настолько былъ любезенъ, что не имѣя возможности оторваться отъ своей аптеки самъ лично, пригласилъ мнѣ въ качествѣ проводника барышню эсперантистку, съ которой мы и провели весь день, обозрѣвая городъ. Интересное явленіе это „эсперанто“. Встрѣчаются люди совершенно чужіе и по жительству, и по языку, и по національности и, никогда раньше не встрѣчавшись, вдругъ заговариваютъ однимъ языкомъ и сразу встрѣчаютъ другъ друга какъ близкіе друзья, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, ни на положеніе.

Возьмите хотя бы вотъ этого г. Квамбушъ—человѣкъ несомнѣнно лѣтъ 60-ти, а съ какимъ энтузіазмомъ онъ встрѣчаетъ своего собрата изъ Россіи и какъ готовъ онъ ему всячески услужить, совершенно не зная, что такое національность. Ну вотъ эта милая барышня, некрасивая, какъ и вообще всѣ нѣмки не-

красивы, но какъ она мила въ своемъ энтузіазмѣ послужить дѣлу сближенія народовъ посредствомъ эсперанто, который она не иначе называетъ какъ— „*nia kaga lingvo*“ (нашъ дорогой языкъ). Совсѣмъ еще ребенокъ можно считать, она ни на минуту не задумалась отдать мнѣ цѣлый день, который она могла бы использовать для себя. Положительно удивительное это движеніе. По ея разсказу, не такъ давно ее посѣтили также одна англичанка и одна индіанка, которыхъ она также познакомила съ городомъ, и онѣ всѣ три отлично понимали другъ друга. Ну вотъ также точно вчера и въ Берлинѣ: молодой студентъ, нѣмецъ,—какъ радостно онъ встрѣтилъ меня; сколько общаго оказалось между нами, и мы просто не могли наговориться. И удивительно какъ удобопонятенъ этотъ языкъ въ устахъ всякой національности. Потомъ, въ Парижѣ, гдѣ собралось насъ много и изъ многихъ національностей, я въ этомъ еще болѣе убѣдился.

Съ дѣвушкою, которой господинъ Квамбушъ поручилъ показать мнѣ городъ Кельнъ, мы кажется осмотрѣли все. Конечно насколько это возможно. И только въ одномъ музеѣ я нашелъ одну интересную фреску какъ документъ древности двуперстія, да и то довольно сомнительный. Успѣли мы даже посѣтить и любимое мѣсто гуляній горожанъ гор. Кельна—зоологическій садъ. Туда они, начиная отъ трехъ пополудни и до 9—10 вечера, забираются цѣлыми семьями. Они тамъ пьютъ кофе, обѣдаютъ и гуляютъ.

Вечеромъ я возвратился на станцію и, пользуясь свободнымъ временемъ, наблюдалъ вечернюю жизнь города около вокзала. Поражаетъ конечно то неимоверно-огромное движеніе массъ народа, котораго мы, русскіе, себѣ и представить не можемъ. Какъ много кассъ и кассировъ, а все-таки приходится поручать продажу всевозможныхъ билетовъ и даже марокъ автоматамъ. И они на каждомъ шагу работаютъ себѣ на славу!..

Въ Парижъ за свой рискъ ѣхать не рѣшился, и потому далъ телеграмму на имя г. Colas, что бы онъ меня встрѣтилъ на сѣверномъ вокзалѣ и ознакомилъ съ Парижемъ.

Праздники кончились, и потому вагоны оказались переполненными. Пришлось провести безсонную ночь. Публика довольно разнообразная: нѣмцы, евреи, русскіе, французы и т. д. На бельгійской границѣ вещи осмотрѣны въ вагонѣ и при томъ очень

невнимательно. На французской насъ таскали въ вокзалъ и держали очень долго. Оказалось, что насъ, третьекласниковъ, отцѣпили и отсюда пустятъ въ Парижъ съ почтовымъ, а не со скорымъ, и потому мы въ Парижъ придемъ значительно позже, нежели я телеграфировалъ. Слѣдовательно въ Парижѣ я едва-ли буду встрѣченъ.

Но мое опасеніе было напрасно: не успѣлъ я выйти изъ вагона въ проходъ для пассажировъ, какъ ко мнѣ подбѣжалъ юркій французикъ со значкомъ эсперанто въ петлицѣ и, назвавъ вопросительно мою фамилію и получивъ утвердительный отвѣтъ, запрыгалъ отъ радости моего пріѣзда, тараторя на эсперанто, какъ сорока. Это оказался главный секретарь конгресса, завѣдывающій дѣлами редакціи „Эсперо Католика“ и чиновникъ справочной эсперантской конторы въ Парижѣ, на улицѣ Беранже, 10., г. Colas.

Любезность его превосходила его самого. Онъ тащилъ задыхаясь мой чемоданъ и ни за что не хотѣлъ отдать мнѣ его, хотя чемоданъ для его тщедушной организаціи былъ не посыламъ.

Тотчасъ-же мы спустились въ подземелье метрополитэна, или, какъ они его называютъ, “мэтро“ и, взявъ билеты, съ большою быстротою помчались по подземелью.

Парижская подземная дорога—это удивительно удобное сообщеніе. Она искрещиваетъ Парижъ во всѣхъ направленіяхъ. Поѣзда по ней мчатся чрезъ каждые 3—5 минутъ. Проѣздъ очень недорогъ. Послѣ бывшаго наводненія—не вся еще сѣтъ дѣйствуетъ.

Пріѣхали мы къ улицѣ Беранже. Въ квартирѣ г. Colas' я привелъ себя въ порядокъ и мы, нанявъ автомобиль, отправились въ Католическій институтъ. Въ приѣмной уже шла работа. Записывали прибывшихъ, выдавали билеты, программы, дѣлали разъясненія и устраивали по гостинницамъ на квартированіе. Принимала гостей баронесса де-Мениль. Красивая, очень любезная женщина, среднихъ лѣтъ.

Принимались всѣ очень восторженно и восторженно братались другъ съ другомъ. Пріѣзжихъ уже было довольно. Нужно было видѣть эту картину, чтобы имѣть надлежащее представленіе. Какихъ тутъ лицъ вы не увидите, какихъ костюмовъ и какихъ національностей. Вотъ важный австріецъ-нѣмецъ въ официальномъ костюмѣ министерства финансовъ, по которому онъ служитъ. Вотъ

туть же около него кроатинець изъ Австріи, торопящійся заявить мнѣ, что онъ славянинъ, что онъ мнѣ братъ по крови, что они, кроатинцы, тяготѣють къ Руси и понимаютъ русскій языкъ. И на самомъ дѣлѣ, всѣ эти славяне Австріи непременно заявятъ Вамъ, что они тяготѣють къ русскимъ. (Въ Берлинѣ, въ Тиргартенѣ я встрѣтился съ чехомъ и, что-то спросивъ его по нѣмецки, получилъ въ отвѣтъ, что онъ чехъ и плохо понимаетъ по нѣмецки. Придерживаясь чешскаго языка, я обратился къ нему по русски, и онъ былъ несказанно обрадованъ, понявши меня. Послѣ сего увѣрялъ меня, что они, чехи, всѣ говорятъ по русски. Тоже случилось и здѣсь съ кроатинцемъ); тутъ юркій, черномазый, и такъ маленькій, да еще сгорбившійся итальянецъ попъ и огромный, выпрямившійся, попъ ирландецъ, симпатичный пасторъ англійской церкви съ умными карими глазами, ласково смотрящими, англичанинъ съ характерной англійскою рожею, испанцы священники, чрезвычайно интересные выбритыми вульгарными рожами и неимѣніемъ спеціально священническихъ костюмовъ, а просто одѣтые какъ и всѣ, нидерландцы-голландцы, литовець священникъ Домбровскій, симпатично выглядывающій, бельгіецъ—братъ „Изидоро“, какъ его всѣ величаютъ, съ ужасно некрасивыми лицомъ и фигурою, напоминающими гориллу, но когда присмотритесь—симпатичнымъ добрымъ характеромъ, французы міряне и попы, француженки всѣхъ возрастовъ и видовъ. Однимъ словомъ, получается впечатлѣніе, что наступилъ моментъ, когда люди, на время оглушенные ударомъ вавилонскаго столпотворенія, не понимая другъ друга, вдругъ почувствовали, что они вновь получили способность взаимнаго пониманія и на радостяхъ поздравляютъ другъ друга съ возвращеннымъ даромъ пониманія.

Всѣ привѣтствовали другъ друга съ такою радостью, что казалось, что они давнишніе между собою друзья. Всѣ наперерывъ спѣшили узнать кто изъ какой страны прибылъ. Но также оказалось, что многіе и дѣйствительно знакомы другъ съ другомъ, по разнымъ прежнимъ эсперантскимъ конгресамъ.

Разговоры были безконечны...

Удивительнымъ во всемъ этомъ является то, что встрѣтились люди, въ огромномъ большинствѣ никогда другъ друга не видавшие, не знающіе родного языка одинъ другого, и, встрѣтившись, от-

лично начали взаимно понимать. Неправда-ли, удивительный этотъ языкъ эсперанто?

Я очень боялся за себя: языкъ этотъ я недавно изучаю и притомъ между страшными недосугами и никогда почти не практикуя его въ устной рѣчи, я опасался, что не буду въ состояніи понимать моихъ сотоварищей по языку. Но оказалось, что опасенія мои напрасны: я очень хорошо понималъ другихъ, а также и другіе меня!

Люди, взявшіеся за этотъ языкъ, все люди почтенные, многіе изъ нихъ имѣютъ очень преклонный возрастъ и тѣмъ не менѣе они хорошо изучили эсперанто и горячо его пропагандируютъ предсказывая ему великую будущность. И надо полагать, что это такъ и будетъ. Ибо ужъ очень онъ доступенъ для изученія!

Когда мы, познакомившись, группами отправились на обѣдъ, то сильно изумляли Парижанъ своимъ разнообразнымъ внѣшнимъ видомъ и оживленною бесѣдою между собою ибо, они видѣли, что мы собрались изъ разныхъ странъ, а говоримъ однимъ языкомъ. Въ ресторанѣ вся публика разинувъ рты дивилась на наше столпотвореніе вавилонское, нынѣ павшее между насъ. И это такъ продолжалось за все время нашего пребыванія въ Парижѣ.

Къ вечеру зданіе Католическаго Института въ которомъ предназначаются наши собранія, разукрасилось флагами всѣхъ странъ изъ которыхъ прибыли делегаты. На стѣнахъ повсюду афиши и программы занятій. Публика толпами зѣвала около института, обозрѣвая и его съ украшеніями, и проходящія группы эсперантистовъ.

Сегодня, 29-го Марта по нов. ст. (по нашему 16). Открытіе конгресса должно воспослѣдовать завтра, 30—17 Марта, въ половинѣ девятого вечеромъ. Имѣя свободнымъ на завтра цѣлый день, мы рѣшили сообща посѣтить достопримѣчательности Парижа, для каковой цѣли запаслись проводникомъ эсперантистомъ-парижаниномъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ 17, но удивительный мальчикъ, великолѣпно говорящій по эсперантски и отлично знающій Парижъ.

Первый визитъ мы сдѣлали въ люксембургскій музей. Музей этотъ небольшой. Въ общемъ, тамъ смотрѣть есть что, но для церковной цѣли туда ходить не зачѣмъ. Голыхъ женщинъ и мужчинъ, въ самыхъ натуральныхъ видахъ, тамъ сколько хочешь

и въ статуяхъ, и въ картинахъ, ходить даже стыдно помежъ этого собранія нагого тѣла, ну, а дѣльнаго, исторически дѣльнаго, для насъ—ничего! Мы скоро оттуда ушли. Посѣтили множество и старыхъ и новыхъ церквей, но и въ нихъ всюду пустота. Были въ музеѣ „Лувръ“. Это поразительно огромный музей. Не бывавшій въ немъ никакъ не можетъ себѣ представить, что могутъ существовать музеи такого огромнаго размѣра и съ такимъ огромнымъ собраніемъ картинъ. Это что-то невѣроятное!

Въ виду того, что было время музей закрывать, мы принуждены были выйти оттуда не осмотрѣвши всего.

Группа людей, ходившихъ для обозрѣнія достопримѣчательностей, была достаточно велика, чтобы быть незамѣтной, и потому всюду, гдѣ мы появлялись, мы обращали на себя вниманіе. У всѣхъ у насъ при томъ были развѣшаны на груди значки эсперантскаго конгреса и потому наше шествіе въ эту-же пору было и пропагандою эсперанто.

Само собою понятно, что конгресъ открылся не такъ, какъ обычно открываются наши „Всероссійскіе съѣзды“: особаго молебствія не было, конгресъ объявили открытымъ и ладно. Лишь послѣ деклараціи и нѣкоторыхъ рѣчей прочитали краткую молитву, которую ни за какой молебенъ принять нельзя.

Заль конгреса весь завѣшанъ флагами различныхъ странъ, изъ которыхъ есть представители, и декорированъ зеленью.

Призидіумъ на особо возвышенномъ мѣстѣ, а также и представители всѣхъ странъ. Собраніе людей большое. Замѣтно повсюду волненіе. Суется всѣхъ болѣе г. Colas и баронесса de Ménil. Вся тяжесть конгресовыхъ работъ какъ подготовительныхъ, также точно и самаго конгреса, а также и заключительныхъ, лежитъ на нихъ.

Во всемъ ярко сказывается хозяйственная рука г-жи баронессы de-Ménil, ярой приверженицы католичества. Ея усердіе, энергія и умѣлость повсюду видны. Г. Colas—достойный ея сотрудникъ. Это двѣ выдѣляющіеся своей приверженностію католицизму фигуры, остальное-же все служитъ только фономъ. Идеаль ихъ, это кажется единственно, преклоненіе предъ римскимъ престоломъ, какъ предъ престоломъ апостола Петра. Съ этого собственно и началъ со мною бесѣду г. Colas вчера, когда мы ѣхали

длинный путь изъ улицы Беранже въ Католическій Институтъ въ автомобилѣ. Онъ просто даже не понимаетъ, какъ это можно отдѣлаться отъ Престола Апостола Петра, на которомъ Христосъ основалъ свою церковь. Мои разъясненія, что мы не уважаемъ не престоль св. Апостола Петра, а Папу Римскаго, который почти ничего не имѣетъ общаго съ св. Апостоломъ Петромъ, почти ничего ему не сказали. И это вполне понятно: у нихъ вѣками вшитано въ сознание безусловное преклоненіе предъ „св. престоломъ“ и не мнѣ за одинъ часъ разрушить эту идею.

Таковы взгляды двигателей конгресса, таковы они и у всѣхъ заправляющихъ дѣлами конгресса, а также и у всѣхъ пріѣхавшихъ на таковой католиковъ.

Прежде чѣмъ выступить съ моимъ докладомъ, я постарался заготовить почву, на которую я могъ-бы опереться, ибо въ докладѣ я не очень-то жалую ихъ и, слѣдовательно, я рисковалъ не только не быть выслушаннымъ, но даже и удаленнымъ съ собранія, а то и похуже того. Это я сразу понялъ, какъ только освоился съ духомъ собравшихся и заправлявшихъ.

Одно дѣло—эсперантизмъ и совершенно другое дѣло—католичество.

Мои догадки очень ярко подтвердились: въ первый-же вечеръ когда делегаты всѣхъ странъ привѣтствовали конгрессъ, мнѣ слова не было дано. Я уже признаться сталъ опасаться за судьбу своей миссіи. Но рѣшивъ быть настойчивымъ и отъ намѣченной задачи не отступать, я тотчасъ-же выразилъ свое недоумѣніе о причинахъ—почему мнѣ не дали сказать привѣтствія. Вышло неловкое замѣшательство. Никто не сумѣлъ надлежащимъ образомъ объяснить эту причину. Своимъ спокойствіемъ я, кажется, убѣдилъ ихъ, что изъ моихъ рѣчей скандала не будетъ, и потому дать слово мнѣ необходимо. (Выяснилось, что они побоялись дать мнѣ слово изъ боязни, чтобы я не произвелъ какого-либо замѣшательства). Мнѣ дали слово, что на завтра, когда собраніе спеціально посвящается вопросу единенія церквей,—будетъ дано слово и мнѣ и другимъ не католикамъ. (Англиканскій пасторъ). Открытіе конгресса, чтеніе деклараціи комитета, рѣчи: профессора института Пастро-Ричардсона, баронессы де-Мениль, Кола

и др. были очень оживленные и часто прерывались оваціями, на которыя французы очень расточительны.

Я, не отступая отъ обычая нашего не аплодировать въ рѣчахъ, касающихся такого серьезнаго дѣла какъ религія, строго воздерживался отъ аплодисментовъ. Это удивляло французовъ крайне. Потомъ меня объ этомъ спрашивали. Я отвѣчалъ, что у насъ считается это неприличнымъ; если мы находимся въ духовныхъ собраніяхъ.

Послѣ рѣчей руководителей конгресса было предоставлено слово депутатамъ различныхъ народовъ для привѣтствія конгресса. Восторгъ французовъ достигъ высокихъ предѣловъ, ибо ихъ крайне радовало, что они понимаютъ языкъ всѣхъ говорившихъ. До 17-ти націй представлялись здѣсь!

Мнѣ слова дано не было, какъ я уже это выше сказалъ.

Первое собраніе было закрыто довольно поздно.

На слѣдующій день по программѣ назначалось: въ 10 час. утра въ церкви Института (Капелла Кармелитовъ) заупокойная литургія о упокоеніи душъ: основателя католическаго журнала на эсперанто аббата Цельтьера и всѣхъ умершихъ эсперантистовъ католиковъ; эсперантскія псалмы, проповѣдь на эсперанто аббата Ричардсонъ, пѣніе гимна „Veni Creator“, въ половинѣ 12-го посѣщеніе извѣстной парижской церкви „Notre-Dame“, представленіе эсперантскаго флага для образовавшагося „Всемирнаго эсперантскаго католическаго союза“ для освѣщенія къ подножію „Парижской Богоматери“; послѣ обѣда, въ половинѣ третьяго, дѣловое засѣданіе, въ которомъ должно заслушать: рапортъ профессора Ричардсонъ „О единствѣ церкви“, Г. van-Schoor бельгійца, „объ однообразномъ произношеніи латинскаго языка“, пріемъ дѣвочекъ эсперантистокъ изъ училища S-t-Gervais. Маленькая рѣчь священника настоятеля S-t-Gervais.

На панихидѣ я не былъ. Это интереса не представляло. Но при посѣщеніи Notre-Dame de-Paris, участвовалъ. Это очень интересное шествіе по улицамъ Парижа цѣлою массою во главѣ со знаменемъ эсперанто. Собственно говоря, этой процессіей католики добивались нѣсколькихъ цѣлей: во-первыхъ обратить вниманіе французскаго народа, отшатнувшагося отъ церкви, на могущество католичества, состоящаго изъ такого числа народовъ, которое

представлялось здѣсь; во-вторыхъ: освятить знамя образовавшагося всемірнаго католическаго союза у подножія высокочтимой статуи „Парижской Богоматери“ и въ третьихъ—пропаганда эсперанто.

И нужно признать, что всѣ эти цѣли въ достаточной степени были достигнуты, а въ особенности послѣдняя. Парижане невольно обращали вниманіе на это довольно-таки интересное шествіе и невольно заинтересовывались разнообразіемъ собравшихся національностей, очень любезно бесѣдующихъ между собою на эсперанто. Но рта зѣвакамъ разѣвать не долго давали: имъ тотчасъ-же совалась пропагандная брошюрка или листокъ объ эсперанто.

Что-же касается цѣлей католичества, то они всего меньше достигались, ибо къ нему здѣсь питаютъ въ самомъ лучшемъ случаѣ—недовѣріе; но освященіе штандарта прошло отлично и очень оживленно.

Въ особенности торжественно была пропѣта кантата Богоматери на эсперанто—„Ave Marie“.

Въ толпѣ этой, изъ числа непринадлежащихъ къ католичеству, было насъ только четверо, я, одинъ сухумскій грекъ—русской государственной церкви, одинъ англиканецъ-пасторъ и еще какой-то англичанинъ. Кромѣ меня, всѣ эти трое тоже увлеклись жаромъ воодушевленія и также охотно пѣли кантату какъ и католики. А въ особенности интересенъ былъ во время пѣнія одинъ изъ англичанъ, слегка глуховатый, очевидно любящій пѣніе и никакъ не попадавшій въ тактъ.

Здѣсь-же на эсперанто была сказана маленькая проповѣдь о значеніи знамени и его освященіи.

Въ половинѣ третьяго открылось засѣданіе, на которомъ долженъ былъ выступить и я. Присутствовало два епископа. Засѣданіе было очень торжественно и публика, предупрежденная заранѣе о выступленіи инако-мыслящихъ очень напряженно ждала этого момента. Richardson кончилъ. Публика еще болѣе оживилась. Первому дано было слово пастору Англиканской церкви. Докладъ его былъ очень длиненъ и читанный очень неумѣлымъ языкомъ и притомъ монотонно, безъ выразительности, утомилъ публику и потому многіе стали выходить. Я боялся за то, что всѣ разойдутся отъ этой скучищи и мнѣ придется говорить предъ пустымъ заломъ, но оказалось, что къ концу его чтенія, публика снова наполнила

заль. Нужно замѣтить, что за эти дни моего пребыванія между конгресанами, я успѣлъ ихъ очень зарасположить къ себѣ и заинтересовать положеніемъ нашей церкви, такъ что мой докладъ они ждали очень охотно. При этомъ моя внѣшность ихъ всѣхъ очень интриговала, такъ какъ между всѣми ими я былъ одинъ оригинально націоналенъ и оригинально религіозенъ. У нихъ религія вообще какъ-то такъ-себѣ, какъ-то, какъ будто для забавы, тогда какъ у меня они наблюдали другое. Все это г.г. конгресанъ интересовало и потому естественно, что имъ хотѣлось поскорѣе узнать и мою внутреннюю сторону. И какъ потомъ оказалось, и она была отмѣнна отъ другихъ, ибо ничего подражающаго она въ себѣ не имѣла, а выражала чисто-восточно-православный независимый взглядъ на католичество. Въ особенности они были поражены способомъ, какимъ я осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ при началѣ чтенія доклада. Ихъ удивила во-первыхъ, истовость осѣненія, что у насъ обычно, а у нихъ слишкомъ необычное явленіе и во-вторыхъ, имъ бросилось въ глаза, что я не на лѣвое плечо положилъ крестное знаменіе сначала, а на правое, и потомъ уже на лѣвое. Послѣ они меня много спрашивали объ этомъ, вступали въ защиту своего способа креститься, но мои объясненія значенія перстосложенія и осѣненія—убѣдили ихъ въ превосходствѣ нашего способа осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. И не только священники этимъ интересовались, но и миряне всѣ, и всѣхъ это удивляло (на сколько разумно двуперстіе), но въ особенности были заинтересованы этимъ женщины: онѣ бѣдныя даже и представленія не имѣли, что креститься надо истово, что персты слагать надо съ извѣстною богословскою мыслью и т. д. Воспользовавшись случаемъ при поѣздкѣ нашей въ Версаль, онѣ въ вагонѣ спрашивали меня о нашихъ обрядахъ и обычаяхъ. Онѣ были очень удовлетворены моими разъясненіями и сейчасъ-же замѣтили тутъ-же сидѣвшимъ священникамъ, что зачѣмъ-же у нихъ ко всему такое небреженіе? Вообще все время моего пребыванія на конгресѣ было хотя и очень скромною, для нихъ незамѣтною, но съ моей стороны настойчивою проповѣдью ученія св. Христовой церкви.

По окончаніи чтенія пасторомъ англійской церкви своего доклада, было предложено высказаться и мнѣ. Но прежде чѣмъ

мнѣ дали высказаться, главный секретарь конгресса г. Colas сдѣлалъ на французскомъ языкѣ поясненіе о моей личности и о церкви, которой представителемъ являюсь я. Въ этомъ поясненіи онъ по простой оплошности объяснилъ, что я представитель церкви, которую въ Россіи зовутъ „раскольники“ (онъ русскій терминъ „раскольники“ употребилъ потому, что въ своихъ учебникахъ они его не перевели, а употребляютъ въ оригинальной формѣ), что явился я сюда съ такими-то цѣлями и т. д. Когда онъ кончилъ, я взошелъ на ораторское мѣсто, поклонился на центръ, на право и на лѣво (за что получилъ аплодисменты), по обычаю нашей св. Христовой церкви осѣнилъ себя широко крестнымъ знаменемъ и первымъ долгомъ поспѣшилъ разъяснить ошибку г. секретаря съ терминомъ „раскольникъ“, т. е. что мы не суть раскольники, т. е. схизматики, а что мы совершенно православные люди, но не послѣдовавшіе за реформами п. Никона въ виду его нововведеній, которыхъ совѣтъ наша не допускаетъ принять. Спокойное и дѣловое разъясненіе этого сразу вызвало взрывъ аплодисментовъ, а еще того больше ихъ было, когда г. предсѣдатель разъяснилъ по французски (для тѣхъ, которые не совсѣмъ понимаютъ эсперанто или же незнающимъ его, которыхъ также было много), мое заявленіе и предложилъ г. Colas извиниться предо мною. Тотъ, конечно, это охотно исполнилъ, тѣмъ болѣе, что я не ставилъ ему это въ умысленность, а просто въ незнаніе истиннаго значенія слова „раскольникъ“. Публика была очень довольна этимъ случаемъ и много смѣялась надъ бѣднымъ секретаремъ.

Докладъ мой уже извѣстенъ читателю. Онъ также довольно длиненъ, но написанный на пишущей машинѣ, да въ два цвѣта, чтобы оттѣнить болѣе сильныя мѣста, при этомъ предварительно мною проштудированный, былъ мною не прочитанъ, а почти что рассказанъ. Благодаря ясности и выразительности, съ какими я велъ свой докладъ, публика съ жадностью ловила слова, произносимыя мною при томъ съ умысленною медленностію, дабы дать всякое слово усвоить въ умѣ слушателя. По мнѣнію французовъ, отчетливость выговора и ясность словъ всегда отличаетъ русскихъ отъ другихъ народовъ, пользующихся чужими языками. Во многихъ мѣстахъ докладъ прерывался аплодисментами и даже криками—браво—что еще до сего ни разу не было слышано. Насколько в

замѣтилъ, все это было не то обычное, что у нихъ наблюдается завсегда, а нѣчто выражающее ихъ душевное настроеніе. Въ особенности имъ понравилась пословица про папу (не взирая на всю ихъ любовь къ нему) и то мѣсто, гдѣ я приглашаю эсперантистовъ къ просвѣщенію пастырей и народа и гдѣ говорю, что религіозная ненависть привита народнымъ массамъ—нашими „христіанскими“ пастырями. Также было внимательно прослушано исповѣданіе вѣры нашей церкви.

Сообщеніе о священникѣ Сусалевѣ очень опечалило духовенство, а указаніе, какимъ путемъ идти на путь правильныхъ сношеній, очень заинтересовало его.

Когда шумъ аплодисментовъ закончился и я занялъ свое обычное мѣсто, г. председатель выступилъ въ разъясненіе моей рѣчи, которую онъ разъяснялъ по французски, указывая на то, что теперь прежнихъ недоразумѣній не существуетъ, а осталось одно только незнакомство, и на этомъ незнакомствѣ построенныя недоразумѣнія; и что теперь намъ можно идти къ единенію, такъ какъ католичество и все таково, какимъ считаетъ насъ эсперантистовъ г. русскій (такъ какъ наши русскія имена и фамиліи они никакъ не могутъ использовать, то обычно было принято называть: „Синьоро-Руса“, „синьоро-Германа“ и т. д.), оно жаждетъ единенія, оно молить объ этомъ ежедневно, оно всѣхъ христіанъ и даже не христіанъ считаетъ братьями, оно всѣхъ любитъ и никого не преслѣдуетъ, ну а прошлое надо забыть. Ничего мы отъ восточныхъ не требуемъ, мы все у нихъ считаемъ святымъ, обряды, обычаи, языкъ богослуженія, ихъ священниковъ за священниковъ и т. д. и лишь просимъ признать старѣйшинство Римскаго престола и только.

Послѣ него говорилъ извѣстный эсперантистъ писатель ксендзь изъ Литвы (Ковно) Домбровскій, который указалъ, что желательно бы имѣть не единеніе, это задача очень далекая, а сближеніе хотя-бы, и того ужъ было-бы достаточно. Благодарилъ за сдѣланный мною починъ къ переговорамъ и указаніе путей къ этому сближенію. Извинялся за ошибку, допущенную въ приѣмѣ Сусалева, о нравственности и запрещеніи каковаго они недостаточно навели справокъ и т. д.

Такъ какъ въ мои задачи не входило диспутировать, то я на все это не нашелъ нужнымъ что либо сказать.

Послѣ этого былъ объявленъ перерывъ. По выходѣ изъ зала я получилъ множество привѣтствій и поздравленій съ успѣхомъ. Въ особенности благодарили дамы и все удивлялись способностямъ русскихъ пользоваться чужими языками.

Нашъ русскій-грекъ изъ Сухума г. Метакса, такъ тотъ сразу заговорилъ по-русски отъ радости: Спасибо, спасибо. Какъ ловко вы обошли острия мѣста—сказали все, что сказать нужно, а необидно. Какъ это ловко вышло у васъ, а я было страшно напугался когда вы, отдѣлавъ нашу-то церковь, да перешли къ нимъ, ну думаю, какъ начнетъ жарить прямо по-русски, такъ все и пропало... Молодецъ. Спасибо... спасибо. Сказано все!...

Вотъ такимъ-то образомъ и былъ заслушанъ мой докладъ. Результаты его въ будущемъ. На этотъ разъ надо считать, что сдѣланнаго достаточно: люди разойдутся отсюда въ 17 странъ и всюду понесутъ воспринятую вѣсть о нашей многострадальной церкви, о ея надеждахъ, любви и чаяніи братства. Протоколы конгресса будутъ напечатаны, куда войдетъ и докладъ мой, и разошлутся по всему міру. О немъ говорятъ газеты Франціи и другихъ государствъ, репортеры которыхъ присутствовали на конгрессѣ. Незамѣтно для себя католики свыклись со мною, сдружились, сдружились до того, что всѣ пасторы усердно просили меня къ себѣ въ гости въ свои приходы, гдѣ обѣщали всѣмъ приходомъ оказать мнѣ братскій пріемъ и дружбу. Усердно просили пріѣзжать на 2-й конгрессъ, который они назначаютъ въ Нидерландахъ, въ Гаагѣ, во дворцѣ мира.

Очевидно вечеромъ этого дня презедіумъ имѣлъ совѣщаніе по моему докладу и рѣшилъ вести переписку съ мною указанными въ докладѣ епископами и поручилъ священнику Домбровскому переговорить со мною объ адресахъ епископовъ Александра и Иннокентія, а также и о болѣе успѣшныхъ способахъ веденія переговоровъ. Я далъ адреса и надлежащія указанія, которыя ими и приняты къ свѣдѣнію.

Казалось-бы съ окончаніемъ этого дѣла моя миссія на конгрессѣ кончена. Но въ виду того, что у насъ очень мало извѣстно о жизни католической церкви на западѣ, я рѣшилъ продолжать

мои посѣщенія конгресса и наблюдать за этою жизнью съ тѣмъ, чтобы потомъ по мѣрѣ силъ моихъ передать это моимъ братьямъ старообрядцамъ. Свободное же время отъ дѣлъ конгресса я посвящала рысканью по музеямъ Парижа, отыскивая какія-либо древности, пригодныя для освѣщенія темныхъ мѣстъ исторіи христіанской церкви.

Вынужденъ отмѣтить, по возможности сжато, всѣ выдающіеся моменты дѣятельности конгресса, которыя такъ или иначе даютъ представленія о способахъ, которыми католичество старается укрѣпить и расширить свою церковь.

Вотъ, на примѣръ, хотя-бы этотъ назначенный на сегодня пріемъ конгрессомъ дѣвочекъ школьницъ. Самъ по себѣ, это какъ жись и ничтожный случай, но замѣтьте какъ задуманъ. Какая въ немъ цѣль!.. Дѣвочки пришли съ очень маленькаго возраста до возраста лѣтъ въ 17. Они пришли одѣтыми въ одинаковые костюмы, съ знаменемъ, изящно сдѣланнымъ, съ соотвѣтствующими случаю надписями на немъ. Пріемъ устроили тогда, когда всѣ утомились отъ серіозныхъ вопросовъ. Къ пріему была приготовлена маленькая колыбель. Дѣвочки входя привели съ собою куклу, яко бы ребенка съ прогулки, котораго они укладывали спать, интересно поя колыбельную пѣснь. Зрѣлище такъ было мило, что усталость была мгновенно забыта и всѣ, сіяющіе, смотрѣли на дѣйствіе этихъ начинающихся жизней. Дѣйствовали дѣвочки отъ лѣтъ 4 до 9—10, старшія были статистками. Потомъ, когда всѣ достаточно отдохнули подъ пріятными впечатлѣніями отъ этого зрѣлища, дѣтямъ дали гостинцевъ и ихъ убрали. Работа конгресса снова пошла бодро впередъ.

Вопросъ о правильномъ произношеніи латинскаго языка вызвалъ долгіе дебаты. Этотъ вопросъ, кромѣ его произношенія, которое повсюду хромаетъ, связанъ еще съ тѣмъ, чтобы сохранять для будущихъ вѣковъ оригиналы твореній святыхъ отцевъ древности, писанныхъ, какъ извѣстно, чуть-ли не въ большинствѣ, на этомъ языкѣ. Католики очень заботятся, чтобы этотъ языкъ не былъ забытъ окончательно, и чтобы новые переводы твореній свв. оо. можно было свѣрять съ оригиналами.

Этими преніями и закончился 2-й день работы конгресса.

Но интересенъ, и для насъ характеренъ, инцидентъ, кото-

рый разыгрался во время прений по этому вопросу: пренія были довольно жаркія, никакъ не могли придти къ заключенію, а какъ же постановить произносить этотъ языкъ, вѣдь его произносятъ всѣ различно и никакой народъ не захочетъ отказаться отъ своего произношенія? Вопросъ замучилъ всѣхъ. Тогда одинъ попъ спрашиваетъ, а какъ-бы это желалъ сдѣлать папа? Ему отвѣтили что папа никакъ не хочетъ лично, но выразилъ пожеланіе чтобы его произносили такъ, какъ его произносятъ итальянцы. За это и ухватились: разъ папа это пожеланіе выразилъ, тогда намъ и нечего разсуждать—вѣдь желаніе папы, это законъ, а противъ закона намъ идти нельзя. Такъ и постановили. Но вдругъ, гдѣ-то заговорившійся пастро-Бланкини, итальянецъ, спохватился, выскакиваетъ на кафедру и, страшно горячась, доказываетъ, что это абсурдъ, что мы не должны абсолютно слѣдовать желаніямъ папы, что это насъ заведетъ Богъ знаетъ куда... Вы поймите, горячится онъ, что вы хотите сдѣлать съ языкомъ: вѣдь это уже будетъ не латинскій языкъ, а совершенно другой, ибо мы, итальянцы, коверкаемъ его, а не говоримъ на немъ. Никакихъ уступокъ быть не можетъ, языкъ существуетъ безъ насъ и мы должны только путемъ изученія добиваться его правильнаго произношенія, такъ, какъ насъ учитъ наука. Пренія снова завязались, ибо полагали, что если дать этотъ вопросъ на разрѣшеніе людей науки, то они заведутъ между собою такую полемику, которая не кончится столѣтія и вопросъ будетъ открытымъ все время ихъ прений, да и надо полагать, что они никогда не придутъ къ соглашенію, а по этому ужъ лучше рѣшить этотъ споръ сразу...

На 3-й день (1-го Апрѣля=19-е Марта) программа была такова: утромъ половина 10-го, рабочее засѣданіе: чтеніе докладовъ объ организаціи культа г.г. аббата Duvaux (французъ), Parker (ирландецъ), и делегата Шотландіи; объ общественной католической дѣятельности г. Лютке (Lutkie—нидерландецъ), и г. Pamentier (бельгіецъ). Въ половинѣ 3-го, рабочее засѣданіе: чтеніе доклада о католической пропагандѣ и сообщеніяхъ средствами эсперанто D-го Coll (испанецъ); о католическихъ средствахъ протекцировать посредствомъ эсперантскаго всемірнаго союза г. Colas (французъ).

Въ половинѣ 9-го вечеромъ, пронагандная сходка въ католическомъ клубѣ rue de Luxembourg., 18). Программа вечера: „Эспе-

ранто и слѣпые“ докладъ Брата Изидоро, бельгійца, 30 лѣтъ занимающагося воспитаніемъ и обученіемъ слѣпыхъ въ специальномъ институтѣ въ Брюсселѣ; небольшая рѣчь съ свѣтовыми картинами г-жи Баронессы de Menil (француженка); пѣніе и декламациа на эсперанто.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ этотъ вечеръ: подѣ видомъ развлеченій, собрана была многочисленная публика и подѣ соусомъ пѣній, декламаций, чтенія съ туманными картинами—преподносится очень важная и интересная рѣчь брата Изидоро (его такъ всѣ почему-то звали), о воспитаніи и обученіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ.

Вечеръ былъ полонъ хорошаго, здороваго интереса, но жаль что „фрато-Изидоро“, не талантливый ораторъ, его даже свои собратья поны на этотъ вечеръ прозвали „официальный цирюльникъ“, т. е. только дерущій, а не бреющій, что значить—дурно говорящій. Но тѣмъ не менѣе, послѣ его рѣчи былъ сдѣланъ приличный сборъ въ пользу учрежденія, гдѣ онъ воспитываетъ слѣпыхъ.

Видите, какъ все это ловко строится: и удовольствія и важное дѣло!..

4-й день. Суббота, 2 Апрѣля—20 Марта: экскурсія и обѣдь въ Версалѣ. Это извѣстный городъ Франціи. Опять надо выразить удивленіе г-жѣ баронессѣ de Menil, такъ поразительно практично все устраивающей. Это положительно неутомимая женщина, страшно изобрѣтательная и всюду своею собственною персоною поспѣвающая. О ней, да о ея главномъ сотрудникѣ, еще совсѣмъ молодомъ человѣкѣ г. Colas, можно сказать одно, что будь-бы въ католичествѣ побольше такихъ разумныхъ-католиковъ-фанатиковъ, то католичество дѣйствительно было-бы велико. Но мало такихъ. Ихъ только двое.

Вотъ эта экскурсія: со всѣхъ пожелавшихъ принять участіе въ таковой было взято по 5 франковъ. За эти 5 франковъ былъ заказанъ поѣздъ туда и обратно и сервированъ великолѣпный обѣдь. Цѣль поѣздки какъ будто увеселительная, но на самомъ дѣлѣ все-таки имѣющая внутренній смыслъ. Католики страшно тоскуютъ о монархіи, о деспотіи, а версальскій дворецъ сплошной памятникъ величія монархической Франціи. И всякій, кто туда

заглянетъ, невольно преклонится предъ величіемъ старой, Королевской Франціи. Вотъ эта-то цѣль, я думаю, и преслѣдовалась баронессою.

Я лично, конечно, съ отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ эти массовыя избіенія однихъ народовъ другими, старательно выписанныхъ на огромныхъ полотнахъ и ходилъ особнякомъ, но когда мое вниманіе обратили на картину наполеоновскихъ побѣдъ въ Россіи, то я имъ предложилъ посмотрѣть картины у насъ въ Россіи, изображающія какъ наполеонъ домой изъ Россіи возвращался...

Въ заключеніе: дворецъ все-таки стоитъ внимательно осмотрѣть и его окрестности тоже.

5-й день. Воскресенье, 3 Апрѣля—21 Марта. Закрытіе конгресса. Въ 10 утра месса и пѣнія въ церкви католическаго института.

Въ 3 пополудни—сходка въ Базиликѣ, на монтмартрѣ и половина 8-го вечеромъ торжественный обѣдъ въ «Palais d' Orleans» (200 avenue du Maine).

Въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ также замаскированная пропаганда. Она удалась и на монтмартрѣ и въ обѣдѣ.

Посредствомъ этой прогулки на высоты монтмартра, откуда весь Парижъ является подъ ногами, и посредствомъ чисто семейнаго обѣда, огромнымъ скопищемъ, достигалось большое сплоченіе всѣхъ конгресистовъ, чего собственно и хотѣлось.

Послѣ обѣда нѣсколько общихъ пѣснопѣній подъ аккомпаниментъ на роялѣ той-же г. de Menil, а затѣмъ удивительно удачно устроенное представленіе семи дней міротворенія посредствомъ волшебнаго фонаря подъ пѣніе на эсперанто библейскаго сказанія о дняхъ творенія. Фонарь ловко давалъ появленія всего творимаго по волѣ Божіей—въ каждый день творенія,—удачно совпадая съ пѣніемъ библейскаго сказанія.

Впечатлѣніе очень сильное!!!

Этимъ и закончился съѣздъ официально. Но затѣмъ пошли семейныя приглашенія избранныхъ лицъ, уже съ спеціально пропагандою эсперанто. Это описывать въ наши задачи не входитъ, а поэтому мы обратимся къ другимъ предметамъ, имѣющимъ значеніе для св. Христовой Церкви.

Я уже говорилъ, что посѣтивъ множество парижскихъ церквей я ничего въ нихъ не нашелъ исторически цѣннаго, кромѣ одной статуи св. Ап. Петра въ храмѣ св. Сульпиція, копіи римской статуи, находящейся въ храмѣ св. Ап. Петра, имѣющей двуперстіе и уже давно извѣстной намъ по многу распространеннымъ снимкамъ съ нея. Теперь долженъ прибавить, что музеи тоже оказались пусты въ этомъ отношеніи, лишь въ Луврѣ мною найдено нѣсколько вещей имѣющихъ большую цѣнность.

Фотографическімъ копіи съ нихъ удалось пріобрѣсти не всѣхъ и, къ великой досадѣ, какъ разъ не удалось пріобрѣсти фотографій съ тѣхъ предметовъ, которые представляютъ изъ себя наибольшій интересъ. Это предметы, находящіеся въ залѣ, называемомъ по французски „de Joigne“, гдѣ хранятся исключительно предметы, рѣзанные изъ слоновой кости. Напримѣръ, я обращаю вниманіе на диптихъ, хранящійся подъ № 2—VI вѣка; на пластинку подъ № 18—XI—XII вѣка (эти два предмета латинскаго происхожденія) и пластинки византійскаго происхожденія: 14—X—XI в., 34—XII половины XIII вѣка и 32—XIII вѣкъ. На этихъ вещахъ очень ярко бросается въ глаза двуперстное перстосложеніе, которое, очевидно, и было въ то время употребляемо какъ восточными христіанами, такъ же точно и западными. Если внимательно прослѣдить исторію перстосложенія по историческимъ памятникамъ всѣхъ христіанскихъ странъ, то можно безъ особаго затрудненія придти къ выводу, что двуперстіе есть дѣйствительно самое древнее перстосложеніе, бывшее по внѣшности въ III—IV вѣкахъ не совсѣмъ сходнымъ съ теперешнимъ старообрядческимъ, начиная съ VI вѣка и кончая XII оно приняло очень ясную и точную форму теперешняго старообрядческаго и съ половины, а точнѣе съ XIII вѣка, на западѣ оно начинаетъ видоизмѣняться и получаетъ видъ, какой мы видимъ на иконѣ „Тихвинской“ Богоматери въ большинствѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ (къ концу XIII) проскальзываетъ подобіе именовсловаго и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ сильнѣе измѣняетъ форму свою и превращается на востокѣ въ именовсловное, а на западѣ просто въ никакое, ибо великій перстъ западные дѣлаютъ особо стоящъ, указательный и средній держатъ какъ и мы старообрядцы, а два послѣднихъ пригибаютъ къ ладони. Все это показываетъ, что эти измѣненія про-

изошли совершенно безсознательно, въ силу простого небреженія, а затѣмъ укоренились во времени и стали обычными.

На картины и иконы обращаю вниманіе путешественниковъ моихъ собратій подъ №№ 1260, 1563, хотя нужно имѣть въ виду, что имъ иногда нумерація и мѣняется.

Эти добытые мною матеріалы я попробую использовать современемъ для всеобщаго свѣдѣнія, хотя признаться, при настоящихъ условіяхъ это задача не легкая: нашъ журналъ недостаточно богатъ, чтобы давать многія и богатыя иллюстраціи, а въ другихъ журналахъ имъ мѣста не найдется.

Н. Зенинъ.

Психологія отступничества.

Отступниками вообще, и отступниками религіозными, въ частности, принято называть тѣхъ, кто по какимъ-нибудь зависящимъ или независящимъ причинамъ оставляетъ свои прежнія убѣжденія, въ которыя онъ вѣрилъ и которыя считалъ за истину, и принимаетъ новыя. Но отступникомъ такое лицо называется только его старыми сообщниками по вѣрѣ, чьи убѣжденія онъ держалъ до своего отступничества. Напротивъ, общество, убѣжденія котораго воспринимаетъ новый членъ, не считаетъ его отступникомъ.

Такимъ образомъ, одно и то же лицо въ одно и то же время по сужденію однихъ считается отступникомъ, а по сужденію другихъ причисляется къ вѣрнымъ, какъ возвратившееся отъ заблужденій.

Въ данномъ случаѣ мы будемъ говорить объ отступникахъ изъ религіознаго быта, придерживаясь при этомъ нейтральной точки зрѣнія и не разбираясь въ томъ, отступникъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или возвратившійся къ истинѣ.

Пусть это будетъ переменна тѣхъ или другихъ убѣжденій, той или другой религіи, все равно дѣйствующее лицо мы назовемъ отступникомъ и будемъ разсматривать его наравнѣ съ прочими.

Типичные представители отступничества, которыхъ намъ приходилось наблюдать или о которыхъ приходилось слышать отъ